

The illustration depicts a young woman with long, flowing white hair and striking blue eyes. She is dressed in a traditional-style outfit, featuring a white blouse with intricate red and blue floral embroidery and a dark blue skirt. She wears a necklace of red beads and has a red braid in her hair. Her right hand is raised, holding a glowing blue streamer that swirls around her. The background is a lush forest of evergreen trees under a vibrant, magical sky. A bright rainbow arches across the scene, accompanied by several bright stars and a glowing orb of light. The overall atmosphere is ethereal and fantastical.

ЛИДИЯ ПЛАТНЕР

КОГДА ЗАСИЯЕТ
ЖУРАВЛЬ

фэнтези

МИОО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОСХОДИТ НА ЗАПАДЕ МГЛА	5
1. Пламенник на вражеской стене	7
2. Мертвая невеста на привязи	12
3. Обещание	23
4. Военный совет	33
5. Ночь	43
6. Три — с востока, два — с запада	49
7. Притворись, что мы заодно	63
8. Проклятый Овтай	74
9. Уже не сказка	94
10. Лагерь	114
11. Души маленькой деревушки	126
12. Больше, чем ты думаешь	139
13. Мой последний сон	145
14. В лесу покоились двое	156
15. За решеткой	165
16. Каргаш	180
17. Репа, бунт и ворон	196
18. Покорись	217
19. Стрела и случай	226
20. Очижи	236
21. Свет перед закатом	254
22. К тебе с последним словом	264
23. Я выбираю свою смерть	272
24. Когда засияет Журавль	290
25. Тебе пора идти	311

ГРЯДЕТ С ВОСТОКА ВЕТЕР	319
1. Настойка полыни в кармане	321
2. Мой далекий свет	335
3. Зола для гостей	343
4. Их было трое	353
5. Глупо	362
6. И пусть меня никто не отыщет	369
7. Там, где наши пути разойдутся	374
8. На Равнинах	387
9. Кулостяма	395
10. Через горящий лес	401
11. В гостях у вирьси	412
12. По ту сторону решетки	425
13. На пути в Келазь	439
14. В плену твоих желаний	454
15. Девочка из Радоги	464
16. Журавлиная тропа	477
17. Каргаш и Тол	493
18. Обо мне заплачет небо	506
19. Непрошенные	514
20. Звезды на потолке	529
21. Зажги по мне огонь	533
От автора	537
Благодарности	540

Red Violet. Темные миры

ЛИДИЯ ПЛАТНЕР

КОГДА ЗАСИЯЕТ
ЖУРАВЛЬ

Москва
МИФ
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
П37

*Книга создана при участии литературного агента Уны Харт
и бюро «Литагенты существуют».*

Платнер, Лидия

П37 Когда засияет Журавль / Лидия Платнер. — Москва : МИФ, 2025. — 544 с. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00214-970-4

Ава не знала, как очутилась в лесу, но смерть нашла ее именно там. Став неуспокоенным духом, она попала на службу к сыну вражеского князя Торею, чтобы хранить ему жизнь вопреки своему желанию и его намерению.

Ошибившись в заклинании, княжич меняет ход судьбы — и своей, и своего государства. И лишь одним богам известно, куда их заведет дорога.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Книга не пропагандирует
употребление алкоголя.
Употребление алкоголя
вредит вашему здоровью.

ISBN 978-5-00214-970-4

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

© Платнер Л., 2025
© Оформление. ООО «МИФ»,
2025

ВОСХОДИТ
НА ЗАПАДЕ
МГЛА

*История вдохновлена мифами
и легендами народов Мордовии*

ПЛАМЕННОК НА ВРАЖЕСКОЙ СТЕНЕ

Меня накрыли крышкой гроба.

Родители не поскупились и раздобыли для него дорогую древесину — дуб. Зимой они будут жить впроголодь, зато единственное дитя сгниет в роскоши. Мало кого на Великих равнинах клали в землю в объятых нашего священного дерева, поэтому о моих похоронах еще долго будут судачить.

Доски были выглажены песком и камнем, оттого светились на солнце. Никто бы не сделал гроб лучше отца, а для дочери он постарался: засел в мастерской вскоре после того, как мое тело принесли домой, и вышел лишь на третий вечер.

Утро похорон было еще по-зимнему ледяным. Весна только-только пришла на наши земли, но холод не желал отступать без боя. Снег отражал солнечные лучи россыпью переливов на моем гробу.

Как только его опустили на дно ямы, к ней потянулась вереница людей в светлых одеждах, украшенных яркими нитями и лентами. Женщины — с красными платками на головах, цепочками с монетками из меди, бусинами, а мужчины — в расшитых кафтанах из выбеленного льна. И не скажешь, что в деревне случилось несчастье. Сколько знала себя, что похороны, что свадьбы оставались в воспоминаниях торжественными и однообразными, будто между этими событиями не было никакой разницы.

Снег хрустел под ногами.

Меня убили валгомцы*. Наверняка они. Кому бы еще быть ночью в лесу и говорить на чужом языке? Кому бы еще перерезать горло заплутавшей девке, молящей о помощи? Меня убили валгомцы, и шел уже четвертый день, как я твердила об этом. Только мертвую никто не слышал.

Все дни в доме звучали плач, отпевания, слова похвалы. Расхваливали так, чтобы боги без долгих дум приняли меня в Тоначи и не дали блуждать по владениям богини Светавы до скончания мира.

Могилу засыпали под истошные вопли матери. Она повторяла мое имя, цепляясь за рубаху отца.

Ава.

Так они назвали меня в надежде, что божественное имя дарует счастливую и долгую жизнь.

Отца под руку держал мой милый Тифей, облаченный в скорбный кафтан. Он был ему к лицу, и я бы схлопотала от жениха, услышь он такое.

Толпа обогнула могилу и двинулась прочь с кладбища. Скоро во дворе родительского дома загорится костер, и на нем сожгут все милые моему сердцу вещи, а я пропаду из этого мира. Бабушка перед смертью умоляла не забыть сжечь ее любимый платок — все боялась, что потянется к нему с того света. Смерть не была окончанием пути, так она говорила: мол, не нужно страшиться, когда дорога приведет тебя в Тоначи, — и я старалась поверить в то, что не боялась этого мига.

Родители остались лить слезы над единственным чадом. Мать лежала на могильном холмике, сгребая пальцами землю, и причитала так громко, что, будь отец в добром расположении духа, стукнул бы, чтоб замолчала. Но он стоял, низко опустив голову, и я не видела его лица.

* Валгомцы — от *эрс.*, *мокш.* ши валгома шире — «запад».

Как им теперь быть? Кто поможет по хозяйству? Нынче волхвы предрекали хороший урожай за молитвы Светаве, а раз так, отцу придется самому убирать поле. Ему не повезло, что Кшай послал одно дитя, и то девку, а теперь и этих рук лишил.

От мыслей отвлекла рана на шее — она зудела. Я прикоснулась к ней пальцами и ощутила что-то влажное, теплое. Кровь. Она стекала по шее и пропитывала белый ворот свадебного покая*.

Как?..

Дыхание, замершее в груди в миг гибели, сперло, а тело словно проснулось. Оно болело, было тяжелым и тянулось вниз. Я захрипела и опустила на землю, уперлась руками в рыхлый снег подле могилы.

Родители меня не замечали, для них я была там, под землей. Плач матери мешался с моим хрипом, но слышно это было лишь мне.

Мир вокруг зашумел, как проливной дождь, все громче и громче, а затем и солнце, и небо, и родители исчезли, оставив меня одну. Вместо полей, что окружали кладбище, перед глазами появилась каменная стена. Она расходилась в стороны, перетекая в пол и потолок. Рядом со мной стояли светцы, на ними плавно танцевал дым от погасшей лучины. Вокруг было темно. Где-то вдали капала вода.

Я в Тоначи? Царство мертвых выглядит как дно колодца?

Позади раздался раздосадованный вздох, и это заставило меня взвизгнуть и обернуться.

Поодаль стоял молодой мужчина, опускавший руку от зажженного пламенника на стене. На его лицо ложились тени, отчего оно казалось широким. Темные волосы растрепались, на щеках и подбородке — щетина. На незнакомце

* Покай — праздничное платье народов Мордовии, украшалось традиционными орнаментами.

была черная рубаха, стянутая поверх кожаной безрукавкой. На плечах висел кафтан из меха не то медведя, не то волка. В руке он сжимал кусок пергамента.

Я сжалась и попятилась назад, словно могла выскользнуть через стену и сбежать. Взгляд зацепился за рисунок на его безрукавке: морда медведя, вышитая золотыми нитями у сердца. Знак врагов моего народа переливался на свету.

Валгомец.

Он поглядел на меня с недовольством и что-то злобно произнес. Это заставило меня еще немного отползти.

— Не понимаю тебя! — рявкнула я на едином языке.

Кажется, я впервые произнесла что-то на давигорском: раньше мне не приходилось встречать людей из чужого княжества. Но язык некогда единого царства так и не сгинул во времени, и говорил на нем любой, кто вырос на давигорских землях.

— Ты не похожа на великого воина, — ответил незнакомец низким голосом, изучая меня таким пронзительным взглядом, что я почувствовала, как от страха выступили слезы. — И нашего языка не знаешь.

— Да с чего бы мне знать валгомский? — Мой голос прозвучал тише.

Я оставалась на полу, но и отсюда видела, что мужчина выше меня головы на три, кабы не больше, и был широкоплечим и крепким.

Валгомец нахмурился и снова взглянул на пергамент, с виду переживший много, завидно много зим.

Я огляделась. За спиной мужчины находился деревянный стол с крошечными мешочками из светлой ткани. В углу комнаты была тяжелая на вид деревянная дверь.

— Где я?

— А где должна быть? — Он щурился в попытке что-то разглядеть на пергаменте при свете пламенника.

— В Тоначи.

— Тонаши, — вдруг поправил он и все же соизволил под-
нять голову. — Постой! Ты, — валгомец скривился, словно
ему на стол швырнули освежеванную крысу, — шиньянка*?

Презрение в его голосе заставило меня пожалеть, что
раскрыла рот, а потому отвечать я не спешила.

Он снова рыкнул и резко сунул пергамент за пазуху.

Я испуганно дернулась и заметила на левой руке верев-
ку. Нет, это была нить! Тонкая, едва различимая, она тяну-
лась от меня к левой руке валгомца.

— Что это? — на выдохе прошептала я и посмотрела
на него. — Что это?

— Неужто не так заклинание прочитал и вместо духа ве-
ликого воина призвал дух почившей девчонки-шиньянки? —
задумчиво обратился он сам к себе.

От его слов в моей груди разгорался костер негодова-
ния. Я привстала на коленях, вгрызлась взглядом в его глаза.

— Какое заклинание? Что это за нить? Кто ты и что
натворил, Таншай тебя задери?!

Он тяжело вздохнул, словно мое присутствие удручало.
Ухмылка исказила лицо.

— Я Торей, а ты теперь мой дух-хранитель. Эта нить, —
он приподнял левую руку над головой, — твой обет Кшаю
защищать меня, пока не позволю уйти на покой либо не сги-
ну сам.

Смысл слов обрушился на меня, когда я открыла рот,
чтобы выругаться.

Наши народы враждовали много зим. Валгомцы лиши-
ли нас покоя, заставили жить в страхе перед скорой вой-
ной. Валгомцы вторглись на наши земли и убили меня.

А я оказалась на службе у одного из них.

* Шиньянцы — от *моки.*, *эрз.* шинь стяма шире — «восток».